

Глава 2

Юриэль

Юри ненавидела святых и дар, который они ей доверили. Но эти три невыносимо долгих дня она то и дело вспоминала молитвы. Юри просила Ара, Рэя и Эвер о прощении и умоляла помочь Соно выжить. Сидела у двери врачевальной комнаты и ждала, когда же лекари скажут ей, что он очнулся.

Эвон не пускал Юри к Соно. Просил ее набраться терпения и закрывался в пропахшей кровью комнате. Не выходил из врачевальни на завтраки, обеды и ужины и, кажется, даже спал там, рядом с ниджаем.

— Мышонок. — Однажды ночью Эвон заглянул в комнату к Юри. — Я принес тебе настойку для заживления ран, а то в твоих снах становится находиться опаснее, чем на охоте на волка среди Аскарских гор. Святые...

Юри сидела на полу у жаровни и тряслась от рыданий. Она зажимала рот рукой и, давя в себе крик, пыталась остановить слезы. Ее тело тряслось, а перед глазами Юри,

вместо танца огненного пламени, представал мертвый Соно. Его тело было расслабленно, словно он безропотно принял смерть. Выбившиеся из высокого пучка волосы лежали на закрытых глазах. Если бы не лужа крови под ним, можно было бы подумать, будто он спит и вот-вот проснется, улыбнется Юри и скажет, что все хорошо. Юри настойчиво пыталась прогнать этот образ из головы, но тот становился лишь страшнее и безобразнее. Кровь быстрым ручьем бежала из раны, заливая пол. Тело Соно высыхало на глазах. И вот белоснежная кожа уже обтягивала кости, трескалась и рвалась на руках, шее и лице. Будто остывший уголь, он тлел и разлетался пеплом на ветру.

— Я не понимаю, Эвон... — Она не могла оторвать взгляд от горевших в жаровне поленьев. — Почему я вижу смерть Соно?

— Давай сначала поднимемся с пола... — тяжело вздохнул Эвон. — Сейчас помогу.

Юри услышала, как он закрыл дверь и, пройдя по скрипучему полу, остановился рядом.

— Соно мертв? — Глаза Юри щипало от жара, а рука ее медленно тянулась к огню. — Это правда? Или...

Языки пламени коснулись тонких пальцев и тотчас укусили их. Юри надеялась, что боль поможет ей проснуться. Надеялась, что все эти видения окажутся обычным сном, но огонь, танцующий под ее ладонью, испепелял не только нежную кожу, но и надежду.

— Юри! — Эвон выдернул ее руку из огня и подул на обожженную ладонь. — Посмотри на меня!

Юри наконец оторвалась от жаровни и, медленно повернув голову, взглянула на Эвона. Ее наполненные

слезами глаза нашли его. Эвон был зол, но, взглянув в лицо Юри, быстро смягчился.

— Мышонок... — обеспокоенно протянул он, сев рядом.

Его голос был уставшим и звучал простуженно. Пройшей ночью, пока Атер приглядывал за Соно, Эвон с аха ходили в горы за цветком, бутоны которого распускались только при свете луны. Из этих цветов получались прекрасные целебные настойки, одну такую Эвон и принес Юри.

— Теперь мне тебе и мазь от ожогов готовить? — Эвон аккуратно, по одному, выпрямлял ее пальцы и осматривал покрасневшую ладонь.

— Что со мной? — Юри надеялась услышать ответ хотя бы от друга. — Я уже не понимаю, где сон, а где явь.

Голос ее дрожал, а крупные слезы стекали по заалевшим от жара щекам, останавливаясь на затянувшемся порезе от ножа Куана. Эвон поймал соленые капли на ее подбородке и стер их холодными пальцами.

— Иди сюда. — Он аккуратно притянул Юри к себе, и она, не сопротивляясь, уткнулась носом в его плечо.

— Что мне делать, Эвон? Как помочь Соно?

У нее не было сил подвинуться ближе и обнять Эвона так же крепко, как он обнимал ее. Юри лишь закрыла глаза и позволила напряженному телу расслабиться.

— Терпение, мышонок, — гладил ее по волосам Эвон. — Мы делаем все, что в наших силах. Он поправится. Тебе нужно лишь подождать.

— Рана глубокая?

— Соно повезло. Лезвие не задело внутренние органы. Наши врачеватели вытащили нож и зашили рану, но из-за

сильной потери крови Соно еще слаб. Мои настойки и мази помогают ему. Горячка спала, а рана теперь гноится в разы меньше.

Огонь в жаровне тух, а вместе с ним гасла и тревога Юри. Эвон говорил медленно, будто каждое слово давалось ему с трудом, но стоило Юри поднять голову, как она увидела его улыбку. Только сейчас, когда слезы больше не щипали глаза, Юри смогла рассмотреть лицо друга. Его голубые, обрамленные светлыми ресницами глаза сияли еще ярче на фоне темных кругов, залегавших под ними, — следов бессонных ночей. На щеках не играл румянец, а посиневшие губы потрескались. Эвон взял теплые пальцы Юри в свои холодные, словно аскарские льды, руки и, погладив, аккуратно остудил зудящий ожог на ее ладони.

— Вы переливаете Соно кровь? — догадалась Юри, посмотрев на перебинтованный стигб локтя Эвона. — И кровь... твоя?

Она знала, что Эвон умолчит об этом так же, как молчал о состоянии Соно все эти дни. Не дожидаясь ответа, Юри вздернула рукав его помятой рубашки. Стигб локтя был перемотан тряпкой, через которую проступили следы крови.

— Эвон, Незримый тебя ослепи! — разозлилась Юри.

Тот лишь тяжело вздохнул, посмотрев ей в глаза.

— Не кричи, мышонок. Весь дом перебудуишь.

— Ты видел себя? Трупы выглядят живее! — Юри и не думала замолкать.

— Да? А мне кажется, в белой коже есть свой шарм. Такой изысканный и благородный цвет. Я теперь как настоящий принц.

— Эвон!

ГЛАВА 2

— Из всех ныне живущих никто не уступает мне в красоте, а уж мертвецов своей белоснежной улыбкой я тем более превзойду.

Эвон растянул губы в широкой улыбке и подмигнул Юри. Он попытался было встать, но та дернула его за руку — и травник с грохотом упал на пол.

— Сил в тебе не поубавилось, — потирая бедро, прошипел от боли Эвон. — Может, уже и настойка не нужна?

— Ты можешь быть серьезным хотя бы сейчас? — Юри скрестила руки на груди. — Тебе становится хуже.

— Я не только красивый принц, но и лучший лекарь Схиалы, — улыбнувшись, подмигнул Эвон. — Поэтому не смей сомневаться в моих методах врачевания.

— Дай мне помочь Соно. И тебе. Возьми мою кровь.

Юри наконец почувствовала прилив сил: беспомощность, порождающая чувство вины, медленно покидала тело.

— Нет, мышонок.

— Почему?!

Эвон достал из поясного мешочка бутылек и чистый лоскут ткани, который тут же смочил приятно пахнущей жидкостью. Аромат цветов и мяты, смешавшись с запахом тлеющих дров, напомнил Юри о детстве и общественной бане, в которую ее водил отец. Арасийцы любили мяту. Они не только добавляли ее в чай, который пили после купания, но и кидали измельченные листья мяты на горячие угли, чтобы расслабляющий запах сильнее раскрылся.

— Почему? — повторила Юри, наблюдая за Эвоном.

Он взял ее руку и, расстегнув пуговицу на манжете, закатал рукав. На тонких порезах, оставленных когтями теней, заиграли еле уловимые блики затухающего огня.

ИСТИНА ЗВЕЗД

— Почти затянулись, — будто говоря сам с собой, прошептал Эвон.

Он прижал мокрую ткань к ране — и ее зашипало. Юри хотела выдернуть руку, но Эвон не позволил.

— И все-таки тебе нужно научиться терпению.

— Соно говорил то же самое, — улыбнулась воспоминаниям Юри.

— А ты настырная, не слушаешь даже его. — Эвон коснулся другого пореза, и от боли Юри крепко сжала кулаки. — В общем, не лезь. Я сам вылечу его, и скоро он сам повторит тебе эти слова. Хорошо?

— Но...

— Хорошо, мышонок?

— Хорошо.

— И... — Эвон наклонился к ее уху и прошептал: — Не забывай, что теперь твоя кровь не такая, как у нас. По твоим венам течет дар сияфов.

— Вот так молишься олхи три дня подряд, просишь их, просишь, а они не слышат. Но стоит тебе замолчать, как они преподносят дары, от которых одни проблемы.

— Соно прав. Ты особенная, — подмигнул Эвон.

— А о тебе Соно пока ничего хорошего не сказал. Но, думаю, когда узнает, что ты спас ему жизнь, изменит свое мнение.

— Весь снег в Рокрэйне растает быстрее, чем это случится.

Юри с Эвоном улыбнулись, рассеяв печали и переживания друг друга. Они еще долго сидели на полу и молча наблюдали за огнем, танцующим на углях, а когда пламя потухло и свет луны проник в углы темной комнаты, Эвон уложил Юри спать. Накрыл ее одеялом, словно маленького

ГЛАВА 2

ребенка, поправил подушку и аккуратно убрал с лица щекочущие пряди волос.

— Светлых снов, — сказал он и, закрыв дверь, ушел.

Юри знала, что он направился к Соно. Эвона вновь ждала бессонная ночь.

Первые лучи солнца упали на сомкнутые веки — и Юри прикрылась рукой. От холода, за ночь застудившего комнату, она поежилась и плотнее укуталась в теплое пуховое одеяло. Сев, Юри уставилась в стену невидящим взглядом и тяжело вздохнула, чувствуя себя совершенно разбитой. Боясь увидеть очередной пророческий сон, Юри проводила всю ночь. Будила себя, стоило хоть ненадолго задремать, смотрела в потолок и щели между досками, из которых, казалось, выползали страшные тени. Но даже они нравились Юри больше, чем те, что терзали ее тело в недавнем сне. Странные, говорящие человеческими голосами туманные силуэты накинудись на нее, стоило ей позвать Юстина. Они когтями впивались в кожу и застилали черной дымкой глаза, не давая ей разглядеть брата. Жужжа, словно пчелы, мешали расслышать голоса святых. Но до появления силуэтов Юри успела увидеть драгоценные камни на мраморном столе. Олхи собирались покинуть этот мир, а чтобы позже вернуться, решили заточить свои души в камни. Получилось ли у них, Юри так и не узнала.

Ветер завыл в щелях дома, будто подгоняя Юри на завтрак, и она послушно ступила на холодный пол. На сундуке была свалена куча вещей, среди которых Юри нашла то, что хотела надеть сегодня. Аскарские мастерицы сшили для них с Далией новую теплую одежду. Ткань уже

успела пропахнуть костром и хонгом, который пролил на Юри изрядно пьяный воин на пиру в честь свержения короля Олафура. Даже после стирки от накидки и рубашки тянуло дымом, спиртом и хвоей. Но, несмотря на это, Юри с большим удовольствием кутала тело в эти меха. Особенно по утрам. Брюки, обтягивающие худые ноги, Юри заправила в высокие ботинки. Рубашку стянула корсетом из кожи дикого зверя и толстых длинных костей рыбы, что водилась в Незамерзающей реке, а плечи укрыла длинной накидкой. Белый мягкий мех на изнанке напоминал шерстку кроликов, которых Юри видела в Арасе, но аха сказали, что это шкуры северных лисиц: на них жители столицы охотились в горах. Юри не любила побрякушки и никогда не носила ничего лишнего. Но теперь у нее появилась вещица, с которой Юри не расставалась даже по ночам. Она застегнула на бедре тугой ремешок с ножнами, в которых хранился клинок Куана. Тот самый, что порезал ей щеку. Тот самый, что чуть не убил Соно в тот день, когда Куан ворвался в покои Юри и, повалив ее на пол, силой удерживал в своих объятиях. Юри силилась забыть холод металла, что вспарывал ей кожу. Шершавый язык Куана, который слизывал ее кровь, запах из его рта и безумные черные глаза. И Юри *могла* забыть, ведь она уже научилась стирать жгучие воспоминания, но выбирала помнить. Из-за Соно. Из-за страха, что он погибнет, оставив ее одну. Юри не забудет о Куане, и тогда ее ненависть поможет отомстить за Соно.

Юри вышла в пустой коридор. От стен эхом разлетались голоса суетливых кухарок: они готовили завтрак для короля и его гостей.

ГЛАВА 2

«Все еще спят», — подумала Юри и тихо, чтобы никого не разбудить, двинулась на носочках вдоль комнат.

Она вышла в большой зал, где все готовились к завтраку. Двое аха охраняли главный вход, а несколько служанок в фартуках мельтешили у столов с приборами в руках.

— Хвор штопс тишди?! На иерш ех икшена!

Старшая кухарка, кажется, была недовольна ранним пробуждением гости. Поставив последнюю кружку на стол, она зло цокнула языком и ушла с другими служанками на кухню.

— Уштан грис! Уштан! Грис! — причитала она, размахивая кухонным полотенцем.

Юри фыркнула и села за накрытый стол. Четыре деревянные тарелки, четыре ложки, стаканы и графин, наполненный водой. Так же строго и скромно, как в «Или». Никаких цветов в вазах, красивых салфеток и других украшательств, чуждых этому месту.

— Тебя только что назвали неблагодарной свиньей. — Из Мысленного зала вышел Атер. — Но ты не бери в голову. Маста всегда была прямолинейной.

— Я уже поняла, что от аскарских людей гостеприимства ждать не стоит.

— Эй, я же извинился за грубую встречу. И не раз. — Атер сел напротив Юри.

Он поднял вилку и покрутил ей перед глазами. А затем проделал то же с ложкой, ножом, тарелкой и кружкой. Проверив на чистоту, он положил их обратно на стол и несколько раз поправил приборы, чтобы те лежали идеально ровно.

— Эвон у Соно? — спросила Юри.

Она заглянула за спину Атера и остановила взгляд на двери в конце коридора.

— Эвон спит. Он очень устал, я отвел его в свои покои.

Юри случайно задела свой столовый нож, и, заметив это, Атер протянул руку, чтобы поправить его.

— Знаешь, Юриэль, больше десяти лет я жил с жестоким отцом под одной крышей. Молча наблюдал, как он избивает маму с сестрой. Как мучает Эвона. Я страдал вместе с ними и корил себя за бездействие. Считал себя плохим сыном и братом.

— У всех нас паршивое прошлое. — Юри, кажется, понимала, к чему он ведет.

— И поэтому я хочу изменить будущее.

— Мы все хотим.

Атер собирался завести долгий и нудный разговор, и Юри, которой захотелось откинуться на спинку стула, вспомнила, что в Аскаре не очень-то любят удобства. Ведь вместо стульев тут были проклятые узкие скамейки. Все для пиров и ничего для переговоров.

— Я для Эвона сделаю все. Он больше не будет страдать. — Атер скрестил руки на груди. — Я сверг отца, разрешил вернуться Варге и отменил сделку с принцессой Эверока. Все это стоило мне больших усилий. Ты и представить себе не можешь, через что я прошел. Даже не догадываешься, как сложно было все эти годы притворяться послушным и любящим сыном. Закрывать глаза на все, что творил отец, и соглашаться с каждым его решением, указом, приговором. А после за его спиной строить заговор и, пока он напивался до беспмятства, перетягивать слуг и аха на свою сторону, обещая им новую жизнь. И все для того, чтобы наконец подарить

людям свободу. И... чтобы избавить себя и брата от недостойного отца. Я страдал только ради Эвона и светлого будущего своей страны.

— А теперь принуждаешь Эвона стать мужем Далии и будущим королем Эверока. Хороший план. Надежный.

Атер опустил голову, и бусины на его косичках зазвенели, ударяясь друг о друга. Он замолчал, уставившись в пол.

— Я хочу стать хорошим королем и братом, но, боюсь, уже поздно. Кажется, я утратил все хорошее, что во мне было, и иногда воспитание отца, которому я так противился, вылезает наружу.

— Надеюсь, тебе не хочется кого-то избить...

— Нет! — Атер, громко крикнув, помотал головой. — Я... я будто хочу спрятать Эвона. Забрать у вас. Оставить при себе, чтобы оберегать. Странные мысли в голове: кажется, что все вокруг хотят причинить Эвону боль и лишь я могу его защитить.

— Почему ты говоришь это мне, Атернай? — Юри наклонилась к нему ближе.

— Я смею просить тебя об услуге. — Атер тоже склонился к Юри, руками сдвинув приборы. — О двух услугах. Помогите Эвону, когда ему будет нужна помощь, и позаботьтесь о нем так же, как он сейчас заботится о Соно.

Юри кивнула. Ее не нужно просить об этом. Эвон стал ей близким другом, а друзей она в беде не бросает.

— И второе. — Атер на секунду засомневался, но все же сказал: — Уходите из моего дома как можно скорее. Не просите Эвона идти вместе с вами. Это не его путь, а ваш. Он не должен рисковать жизнью и лезть в дела святых.

Юри начинал злить этот разговор. Атер не хотел слышать ее и настаивал на своем, но Юри была не из тех, кто соглашается с несправедливостью.

— Это *его* выбор, а не твой. Перестань решать за брата. Если он захочет уйти с нами, то я не буду его отговаривать.

Атер вздохнул и отодвинулся от Юри. Вновь аккуратно разложил приборы.

— Я переживаю за Эвона и хочу, чтобы он остался дома. И я сделаю все для того, чтобы так и случилось. Если ты и твой ниджай помешают мне, то я...

— Я поняла, — перебила его Юри, не желая слушать этот бред про заботу и любовь. — Ты хочешь *контролировать* Эвона, а не защищать. А нас гонишь, так как считаешь, что Эвон не пойдет за нами в одиночку. Он так и не узнает нашего плана, не поймет, куда мы направились дальше и как хотим спасти мир. Тогда он останется здесь. — Юри скрестила руки на груди. — Интересно... Что скажет Эвон, когда поймет, что его брат выгоняет гостей из дома?

— Пока что я позволяю Эвону помогать твоему другу. Ниджай слаб, и без моих лекарств нескоро придет в себя. Мои аха каждую ночь ходят в горы за бутонами цветов, а после весь день вместо тренировок сидят с тобой, пока ты испытываешь на них свой новый дар. Эвон тратит лекарственные запасы Аскара на мази и настойки для твоих ран. — Он кивнул на порезанные предплечья Юри, и та быстро натянула рукава, чтобы прикрыть запястья. — И для ран твоего ниджая, которому он каждую ночь переливает свою кровь. Не это ли люди называют гостеприимством?

ГЛАВА 2

Атер встал из-за стола, громко отодвинув лавку. В тот же момент из кухни выбежал мальчишка с чаном ароматной каши.

— Мне кажется, вы задержались, Юриэль. Если уйдете в ближайшие дни, я дам вам с ниджаем десяток своих аха и помогу покинуть Рокрэйн. Но если задержитесь, то наше прощание тебе не понравится.

Атер направился в Мысленный зал, и Маста, заглянув в столовую, крикнула ему вслед что-то на рокрэйнском.

— Я не голоден. Накрывай стол для наших гостей, — ответил он так, чтобы Юри поняла его.

Мальчик, расстроившись, что король ушел, поставил тяжелый чан на стол и, дождавшись команды Масты, побегал будить Далию с Эвоном. Кажется, завтрак будет лишь для них двоих, ведь у Юри тоже пропал аппетит.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

